

В.О.Шипулин

БИОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ВЛАСТИ В ЭПОХУ ЦИФРЫ

В статье, исследующей становление и действие биополитических механизмов реализации власти в условиях цифрового общества, показывается, что перманентная погруженность индивидов в цифровую среду позволяет вовлекать их в сферу биополитического влияния, не прибегая к посредству классических инструментов и практик отправления властно-управленческих функций. Анализируются методы осуществления цифровой биовласти, неоднозначно воспринимаемые общественным мнением и противоречивые с этической точки зрения. Среди них — осуществление тотального контроля над частной жизнью обывателя посредством фиксации следов его взаимодействия с электронной средой, расширяющаяся практика обязательной регистрации биометрических данных, датафикация человеческой телесности; все это обосновывается необходимостью решения проблем безопасности, медицинской профилактики и распространения социальных гарантий на всех нуждающихся. Особый интерес представляет проблема взаимоотношений физического индивида и его цифрового «Я», целью регистрации и функционирования которого в виртуальном пространстве может быть как обретение способов самовыражения, недоступных в обычной жизни, так и попытка выхода из-под влияния биовласти. Отмечается, что наряду с рисками продуцирования новых способов манипуляции индивидами, сокращением пространства приватности и пр., реализация цифровых биополитических моделей контроля способствует эффективности удовлетворения растущих потребностей и легкости получения различных услуг, что позитивно воспринимается многими.

Ключевые слова: биополитика, биовласть, голая жизнь, датафикация тела, цифровой след

Особенностью биополитической власти является восприятие индивидов, подверженных ее воздействию, преимущественно не как субъектов с определенным социально-правовым статусом, а как живых людей с набором биологических характеристик и потребностей. Пространством реализации биополитических стратегий, исследовательских и прикладных, выступают различные направления человеческой мысли и практики, но прежде всего те, что связаны с витальными аспектами человеческой жизнедеятельности: демография, медицина, биоэтика, генетика и пр. Вместе с тем, применение технологий биовласти может означать попытку через контроль над телами, естественными потребностями и инстинктами программировать мышление и поведение индивидов для достижения внешних целей. Реализация подобной повестки будет означать редукцию человека к сугубо биологическому субъекту (или даже объекту), лишенному высших социальных и культурных устремлений, пребывающему вне сферы устоявшейся нормативной этики и используемому как средство в чужих интересах.

Как известно, активное внедрение в философский дискурс биополитической проблематики произошло во многом благодаря интеллектуальным изысканиям М.Фуко. Согласно Фуко, в эпоху европейского модерна власть в качестве субъекта воздействия стала активно использовать человеческое тело, его возможности и желания. В первую очередь она при этом выступила в качестве власти дисциплинарной, подвергая тела системной и методичной муштре с целью сделать их максимально пригодными и податливыми для выполнения социально востребованных, в том числе экономических, функций. Важную роль в этом играли такие дисциплинирующие общественные институты, как школа, клиника, рабочий дом, казарма и т. п. [1]. Позднее проявился и другой модус властного воздействия — он был «центрирован вокруг тела-рода, вокруг тела, которое пронизано механикой живого и служит опорой для биологических процессов: размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни, долголетия» [2, с. 243].

Между этими двумя модусами биовласти немало общего: и дисциплинарные (анатомо-политические) технологии, и «био-политика народонаселения» [2, с. 244] выступают как антитеза методам социальной регуляции, основанным на открытом и показательном, но несистемном насилии, те и другие в качестве объекта имеют дело с человеческими телами, стремятся к непрерывному и всеохватному воздействию, функционируя — особенно это касается второго модуса — рассредоточенно, анонимно и автоматически. Основная же разница состоит в том, что в первом случае объектом воздействия являются отдельные тела, которые необходимо еще «доформатировать» до желаемого состояния, сделать «послушными», что требует применения соответствующих инструментов, во втором — речь идет о множествах индивидов, уже вовлеченных в общие биологические процессы: рождение, воспроизводство, болезни, смерть [3, с. 262].

Трансформация классических политических процедур и способов властного воздействия в направлении «мягкой силы», не предполагающей прямой контроль и эксплутацию, а действующей более изощренно (например, через искусственное конструирование и навязывание новых потребностей), не означает, однако, что биовласть перестает быть властью: ее стремление удерживать индивидов в фокусе своего контроля не исчезает, а во многом только усиливается. Поэтому неудивительно, что сегодня, в эпоху доминирования в развитых странах ценностей либерализма и индивидуализма, предполагающих недоверие к любым формам ограничения личной свободы со стороны государственных институций, применение биополитических технологий нередко рассматривается как попытка осуществления манипулятивного дисциплинарного властного доминирования над индивидами в завуалированном виде.

По мнению Дж. Агамбена, все современные политические режимы, и демократические в первую очередь, привержены биополитическим методам реализации своих целей. Он использует понятие *голой жизни* [4] для обозначения жизни как таковой, естественного состояния человека, когда имеет место исключение индивида из системы официальных норм и правил и его незащищенность перед лицом властного воздействия (пребывание же человека в рамках правовой нормативности представляет собой лишь т. н. включенное исключение, то есть временную приостановку естественной исключенности). Агамбен также обращается к идее К. Шмитта о том, что держателем власти, сувереном, является тот, кто принимает решения о чрезвычайном положении, как раз и позволяющем редуцировать индивида к внесоциальному и внеправовому состоянию голой жизни. Однако если прежде объявление чрезвычайного положения выступало особым случаем, то в современном социуме, по мнению Агамбена, ситуация чрезвычайного положения оказывается нормой, «доминирующей управленческой парадигмой современной политики» [5, с. 9], а «осознанное использование... чрезвычайного положения (даже если оно и не было объявлено формально) стало одной из главных практик современных государств, включая и так называемые демократии» [5, с. 9]. И если в первой половине прошлого столетия топосом, где происходит тотальное исключение индивида из социально-правового поля с превращением его тела в живой труп и перманентной возможностью лишить его последних признаков жизни, был концлагерь, то ныне — в эпоху торжества либеральных и гуманистических принципов — примерами выхода за пределы нормальности, навязываемого и воспринимаемого как должное, становятся обязательная изоляция в период пандемии Covid-19 или регистрация биометрических данных при пересечении границ и в иных подобных случаях. Таким образом, с этой точки зрения, распространение биополитических методов контроля только способствует укреплению репрессивной власти государства в отношении отдельных людей и населения в целом.

Возможна, впрочем, и иная трактовка биополитики, согласно которой применяемые ею технологии и результаты ее действия должны оцениваться с этической точки зрения нейтрально: следует просто принять как данность, что, как полагает соредатор журнала *Foucault Studies* Д. Лоренцини, «общество перешагнуло такой порог, когда биологические процессы, характеризующие жизнь человека как вида, стали важнейшим вопросом для принятия политических решений, новой проблемой, которую должны решать правительства, и не только в исключительных обстоятельствах (например, эпидемии), но и в нормальных» [6] и что «биополитическая власть... является частью того, что мы есть, нашей исторической формы субъективности, по крайней мере, в течение последних двух столетий» [6], и само по себе это ни хорошо ни плохо.

Закреплению биополитических форм контроля над массами служат новейшие достижения научно-технического прогресса, а конкретно — активное развитие цифровых технологий, трансформирующих многие сферы профессиональной деятельности и повседневное бытие людей. В цифровом обществе основной объект биополитического воздействия — жизнь человека — проходит в условиях постоянного взаимодействия с разнообразными информационными сервисами и интернет-приложениями, что, с одной стороны, существенным образом облегчает существование индивида-потребителя, с другой — создает поле контроля для осуществления «мягкого» управляющего воздействия на нее. В то же время шаг за шагом осуществляется движение в сторону конвергенции человеческого тела — еще одного объекта биополитики — и цифровых технологий, сосредоточенных на фиксации процессов, происходящих внутри него и даже в это самое тело инкорпорированных; неслучайно возникновение такого понятия, как датафикация тела [7, р. 463].

Идеальный биополитический контроль предполагает полноту и всеохватность и в то же время — восприятие его индивидами как естественного и ненавязанного. Это в значительной степени как раз и достигается с помощью цифровых технологий нового поколения, погружающих тела индивидов в пространство перманентной идентификации и мониторинга, самоисключение из которого практически не представляется возможным. Да и желания исключить, как правило, не возникает: удобство цифровых услуг для потребителя и формирующаяся психологическая зависимость от присутствия в информационно-коммуникативной среде воспринимается большинством как неотъемлемая жизненная функция. При этом возникает немало вопросов, в частности относительно того, какие эффекты, в том числе непредвиденные — социальные, этические, антропологические, — могут иметь место вследствие осуществления биополитического контроля посредством цифровых технологий.

Начиная с эпохи модерна роль информационных ресурсов в реализации властных стратегий становится весьма значимой, именно с их помощью в коллективном и индивидуальном сознании укореняются паттерны востребованного социального поведения. В условиях же цифровой цивилизации XXI века суггестивно-манипулятивная функция цифровых технологий в политике, в том числе и биополитике, проступает еще очевиднее. Современный обыватель живет в условиях перманентного увеличения объема и количества источников информации, непрерывно находится лицом к лицу с бесконечным множеством конкурирующих за его внимание контентов и дискурсов. В бесконечном потоке данных и сообщений ему сложно отличать истину от вымысла, искреннее заблуждение от сознательной дезинформации, желание наставить на правильный путь от попыток злостной манипуляции. Переизбыток информации оказывает влияние на эмоциональную сферу и когнитивные процессы индивидов: в условиях необходимости ежеминутно воспринимать множество сообщений, различных по форме, часто экспрессивных и противоречащих друг другу содержательно, люди становятся крайне невротичными и легко возбудимыми, возрастает риск утраты психического равновесия и даже ментального нездоровья, поскольку формировавшаяся в ходе длительной эволюции психика биологического вида *Homo Sapiens* не всегда справляется с подобными перегрузками. Ослабление способности

рационально мыслить и программировать собственные действия, руководствуясь логикой, а не инстинктом и эмоциями, делает человека удобным объектом для биополитической регуляции.

Подверженность природным инстинктам и эмоциям еще более усиливается, когда обитатель цифрового общества оказывается не наедине со своим собственным раздробленным восприятием реальности, а в обществе себе подобных. Такая ситуация возникает вследствие все более плотной включенности людей во взаимодействие друг с другом посредством социальных медиа. Складывающиеся сетевые сообщества позволяют пользователям свободно интегрироваться поверх расстояний и границ с целью реализации совместных интересов — деловых, политических и пр. Кризис устойчивой картины мира вследствие информационного профицита вкупе с деструкцией привычных этических норм и ценностей, имеющей место в современной культуре, позволяет именовать складывающуюся модель коллективной сетевой общности *цифровой* или *виртуальной толпой* [8, с. 79], имея в виду, что проявление многих вполне натуралистических качеств, присущих толпе, массе в традиционном понимании (повышенная возбудимость, восприимчивость к внушению, освобождение скрытых инстинктов насилия и жестокости), в интерактивной цифровой среде лишь усиливается.

При этом множественность источников и каналов передачи информации, посредством которых, среди прочего, транслируются в сознание индивидов и установки биовласти, позволяет воспринимать эту власть — вполне в соответствии с фукианскими трактовками — как децентрализованную и разновекторную, исходящую из разных точек локализации властных очагов [9, с. 45]. Каждый в отдельности информационный ресурс (а в современном мире всякий является источником информации, потенциально воспринимаемой всеми) может не иметь «цели создать противоречивый образ в сознании реципиента, но он генерируется благодаря... сосуществованию различных персональных волей, каждая из которых конструирует свой репортаж...» [9, с. 45]. Вместе с тем за плюрализмом информационных источников, посредством которых осуществляется децентрированное анонимное биополитическое влияние, при желании можно разглядеть невидимую руку истинных держателей власти в лице политических и медиаэлит. Например, сформировавшуюся в пространстве интернета цифровую толпу посредством умелых манипулятивных приемов несложно превратить в толпу физическую и направить на совершение акций политического протеста или иных действий в нужном для «хозяев дискурса» направлении. Подчас сложно однозначно установить, являются ли те или иные проявления массовой активности самопроизвольными, пусть и катализированными посредством вышеописанных эффектов цифрового социума, или же умело направляемыми общественными силами, которые желают оставаться в тени.

Так, попытка штурма Капитолия, предпринятая сторонниками Д.Трампа в январе 2021 года, была истолкована его политическими оппонентами как деструктивная реакция толпы, изначально сформировавшейся в основном как виртуальной, но под воздействием популистской риторики бывшего президента США, апеллировавшего к массовым инстинктам и предрассудкам, обретшей традиционную физическую форму. В то же время контрреакция противников Трампа, а среди таковых и представители политического истеблишмента Соединенных Штатов, и хозяева имеющих глобальный охват американских медиакорпораций, также привела к манипулированию сознанием людей с целью формирования образа врага в лице бывшего президента: подобная технология весьма удобна для воздействия на эмоции движимых биологическими чувствами масс. Показательно, что после упомянутых событий у Капитолия руководители ряда ведущих транснациональных сетевых медиа приняли решение заблокировать активность Трампа на своих платформах, что, вкупе с критическим к нему отношением со стороны ряда традиционных медиа (CNN и др.), означало стремление практически полностью вытеснить его персону из информационного, а значит, и политического поля.

Практики осуществления биополитического контроля на новой технологической основе находят все более широкое применение в современном мире. Нередко это объясняется интересами самих граждан, например, электронные средства использовались для отслеживания физической локации людей на предмет соблюдения ими протоколов социального дистанцирования во время пандемии Covid-19. Стремление обеспечить общественную безопасность обосновывается введением цифрового контроля за трансграничными перемещениями людей, с этой целью активно применяется биометрическая регистрация (фото лица и сетчатки глаза, отпечатки пальцев и пр.) с занесением полученной информации в соответствующие цифровые базы для удобства последующей идентификации. Кроме того, личность человека, пересекающего международную границу, может быть установлена, кодирована и профилирована с помощью фиксации цифровых следов, оставленных им в процессе подачи заявления на получение визы, покупки авиабилета, использования банковской карты, проведения Гугл-поиска и так далее; его данные и цифровая идентификация путешествуют «заранее» по различным информационным сетям, схемам и базам данных и ждут прибытия физического референта (тела) [7, р. 468]. Фиксация электронных следов, возникающих в ходе контактов индивида в интернете или с цифровыми устройствами, может происходить (без информирования объектов наблюдения) и во многих других случаях, на этой основе формируется уникальная картина его личности, самочувствия, коммуникативных связей, предпочтений и локаций. Реализация подобных технологий актуализирует проблемы этического и правового характера: необходимость подвергать цифровой регистрации столь интимный объект, как собственное тело, может осуществляться независимо от желания людей; фактически до нулевого значения сужается объем пространства частной жизни; открываются широкие возможности для манипуляции индивидами на основе обладания всеобъемлющими данными о них — речь здесь может идти как о распространении контекстной рекламы, так и о банальном шантаже.

Однако биоцифровой контроль и регуляция могут осуществляться и под видом решения гуманитарных задач: такое обоснование, например, присутствует в обсуждаемой на глобальном уровне идее присвоения индивидам персональных цифровых идентификационных номеров (ID). Действительно, у сотен миллионов жителей планеты (бездомных, беженцев, нелегальных мигрантов и пр.) отсутствует идентификация, зафиксированная в соответствующих актах гражданского состояния, следовательно, с формально-юридической точки зрения они как бы и не существуют и в силу этого лишены многих естественных прав. Присвоение цифровых идентификаторов на основе биометрических данных рассматривается как способ распространить действие правовых и социальных гарантий на все человечество. Однако, вероятно, истинным и полноценным выражением такого стремления стала бы не датафикация тел индивидуумов, а отказ от приравнивания *physis* к *nomos*, т. е. биологической сущности к юридической регистрации, живого человека к гражданину, имеющему паспорт. Всякий живущий индивид должен восприниматься как личность с гарантированным набором прав независимо от прочих обстоятельств — подобным тезисом могла бы быть выражена высшая благородная цель биополитики.

Очевидно, что по мере цифровизации общества пространство применения практик датафикации телесности, в том числе с целью управления человеческим поведением, будет только расширяться, цифровые идентификаторы личности, позволяющие получать информацию о различных сторонах жизни человека, уже стали привычным элементом в некоторых странах. Так, в Китае с помощью технологии Big Data происходит регулярный учет данных о поступках каждого гражданина, на основе такого учета ему присваивается индивидуальный социальный рейтинг, в зависимости от которого распределяются привилегии и ограничения, касающиеся доступа к выгодным кредитам, возможности перспективного трудоустройства, выезда за границу, очередности получения государственных услуг и т. п. В силу изложенного уже не столь радикальным выглядит применение к ситуации ближайшего будущего человечества метафоры цифрового концлагеря, в который помимо их воли помещены все его обитатели. Аналогия с концлагерем (который Дж. Агамбен полагает местом, где биополитическая власть над голой жизнью становится абсолютной и беспрецедентной [4, с. 217]) может казаться уместной и ввиду того, что бытие современного человека невозможно представить вне сферы цифровых технологий и услуг, предоставляемых/навязываемых теми, кто их контролирует; тотальное отключение от цифровых девайсов будет означать не просто социальную изоляцию индивида, но и угрозу для его биологического существования.

Особый интерес с точки зрения биополитического анализа представляют взаимоотношения, которые складываются между реальным физическим субъектом и его цифровым образом, существующим в виртуальном пространстве социальных сетей. Стоит ли считать цифрового двойника (каковых может быть множество) лишь сетевой презентацией своего реального создателя, которая появляется ввиду необходимости обозначить свое присутствие в интернет-среде и служит целям более эффективного решения таким образом ряда задач — профессиональных, образовательных и т. п.? Или же цифровой образ становится новой личностной ипостасью человека, электронной формой его инобытия, способной производить действия и выстраивать коммуникативные практики, которые реальному телесному субъекту недоступны или которые он в силу тех или иных причин воздерживается осуществлять в повседневной жизни вне сети? Появление виртуального двойника, скрытого за аватаром, ником, может объясняться желанием индивида апробировать новые способы самовыражения и эмоциональной разрядки, расширить рамки социально-нормативного контроля. Неслучайно общению в виртуальном пространстве нередко сопутствует ситуация, когда «символическая равностатусность участников коммуникативного взаимодействия рождает иллюзию вседозволенности, проявляющуюся в том числе в использовании обценной лексики» [10, с. 207].

В свете всеохватности и перманентности биополитического контроля над личностью в современном обществе сложно не задаться вопросом о том, возможно ли от него освободиться — хотя бы на время, и, если да, то каким образом. В свое время А. Шопенгауэр полагал, что человеку в стремлении выйти из под влияния мировой Воли следует прибегнуть к аскетическим практикам, т. е. подавлению проявлений собственной телесности. Вероятно, в современном цифровом мире отказ от собственной телесности и выход тем самым из под воздействия расположенной нигде конкретно, но всюду одновременно биовласти как раз и становится возможным посредством преобразования индивида в свою цифровую «тень», в скрытый за аватаром сетевой образ, лишенный физических измерений, потребностей и импульсов. Судьба цифрового «Я» находится во власти лишь своего создателя, который волен с помощью манипуляции компьютерной мышью как прекратить его виртуальную жизнь, так и вновь возродить в другом сетевом обличии. Впрочем, и здесь не все так просто: уменьшая свою зависимость от биополитических форм контроля посредством ухода в виртуальную среду, индивид волей-неволей может обрести психологическую, в известной степени биологическую потребность в регулярном присутствии и функционировании там в облике своего цифрового «Я», дающем, к примеру, возможность регулярно сбрасывать эмоциональное напряжение, накопившееся в процессе общения оффлайн.

Таким образом, можно утверждать, что в реалиях современного социума, с одной стороны, возникают новые возможности для свободного самовыражения индивидов, реализации их творческого потенциала, до глобального масштаба расширяется коммуникативное и интерактивное пространство, с другой стороны, образуются инновационные методы контроля и регуляции, цифровые по форме и биополитические по своему содержанию. Спецификой этих методов выступает предоставляемая перманентной вовлеченностью индивидов в цифровую среду возможность влияния на их тела и сознание, минуя опосредующие социальные институты и

дисциплинарные практики эпохи модерна. При этом реализация цифровых биополитических методов контроля, вызывая обоснованные опасения относительно их манипулятивной сущности, может оказаться вполне приемлемой для обывателей в том случае, если они убеждены, что необходимость подвергать свое биологическое естество и поведение датафикации способствует эффективности удовлетворения растущих потребностей и легкости получения разнообразных услуг. Образ жизни и мировосприятие многих современников подтверждает распространенность именно такого взгляда на рассмотренную проблему.

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы: пер. с франц. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
2. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с франц. М: Касталь, 1996. 448 с.
3. Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М.Фуко, Дж.Агамбен, А.Негри // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4-2(10). С. 261-271.
4. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь: пер. с итал. М.: Европа, 2011. 256 с.
5. Агамбен Дж. Homo Sacer. Чрезвычайное положение: пер. с итал. М.: Европа, 2011. 148 с.
6. Lorenzini D. Biopolitics in the Time of Coronavirus [Электр. ресурс] // Critical Inquiry. 2020. URL: <https://critinq.wordpress.com/2020/04/02/biopolitics-in-the-time-of-coronavirus/> (дата обращения: 09.11.2022).
7. Ajana B. Digital Biopolitics, Humanitarianism and the Datafication of Refugees // Refugee Imaginaries: Research Across the Humanities / E.Cox, S.Durrant, D.Farrier, L.Stonebridge, A.Woolley. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. P. 463-480.
8. Кёхлер Г. Новые социальные медиа: шанс или перспективы для диалога? // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 75-87.
9. Ильин А.Н. От информационной дезориентации к поверхностному потреблению информации // Информационное общество. 2014. № 5-6. С. 42-49.
10. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды: монография / Под ред. Д.С.Мартыанова. СПб.: ЭлекСис, 2019. 312 с.

References

1. Foucault P.-M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my [Orig.: Surveiller et punir. Naissance de la prison]. Moscow, 1999. 480 p. (In Russ.).
2. Foucault P.-M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years]. Moscow, 1996. 448 p. (In Russ.).
3. Samovol'nova O.V. Sotsial'no-filosofskiy analiz osnovnykh kontseptsii biopolitiki: M.Fuko, Dzh.Agamben, A.Negri [Socio-philosophical analysis of the main concepts of biopolitics: M.Foucault, J.Agamben, A.Negri]. RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies, 2017, no. 4-2(10), pp. 261-271.
4. Agamben G. Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Orig.: Homo Sacer. Il potere sovrano e la nuda vita]. Moscow, 2011. 256 p. (In Russ.).
5. Agamben G. Homo Sacer. Chrezvychaynoye polozheniye [Orig.: Homo Sacer. Stato di essezione]. (In Russ.).
6. Lorenzini D. Biopolitics in the Time of Coronavirus. Critical Inquiry. 2020. Available at: <https://critinq.wordpress.com/2020/04/02/biopolitics-in-the-time-of-coronavirus/> (accessed: 09.11.2022).
7. Ajana B. Digital Biopolitics, Humanitarianism and the Datafication of Refugees. Refugee Imaginaries: Research Across the Humanities / E.Cox, S.Durrant, D.Farrier, L.Stonebridge, A.Woolley. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2019, pp. 463-480.
8. Köchler H. Novyye sotsial'nyye media: shans ili prep'yatstviye dlya dialoga? [The new social media: chance or challenge for dialogue?]. Polis: Politicheskie issledovaniya, 2013, no. 4, pp. 75-87.
9. Il'in A.N. Ot informatsionnoy dezorientatsii k poverhnostnomu potrebleniyu informatsii [From Information disorientation to superficial information consumption]. Informatsionnoe obshchestvo, 2014, no. 5-6, pp. 42-49.
10. Mart'yanov D.S., ed. Upravlyayemost' i diskurs virtual'nykh soobshchestv v usloviyakh politiki postpravdy: monografiya [Manageability and Discourse of Virtual Communities in the Conditions of Post-Truth Politics: monograph]. Saint-Petersburg, 2019. 312 p.

Shipulin V.O. Biopolitical technologies of power in the digital age. The article examines the formation and operation of biopolitical mechanisms for the exercise of power in a digital society, the regulatory and controlling impact of which is primarily focused on the somatic, vital aspects of human existence. It is indicated that the permanent presence of individuals in the digital environment makes it possible to involve them in the sphere of biopolitical influence without resorting to classical institutions and practices of exercising power and managerial functions. Methods for the implementation of digital biopower, which are ambiguously perceived by public opinion and contradictory from an ethical point of view, are analyzed. Among them — the implementation of total control over the private life of the inhabitant by fixing traces of his interaction with the electronic environment, the expanding practice of mandatory registration of biometric data, datafication of human physicality; all this is justified by the need to solve security problems, medical prevention and the extension of social guarantees to all those in need. The problem of the relationship between the physical individual and his digital self is of particular interest, the purpose of registration and functioning of which in the virtual space can be both the acquisition of ways of self-expression that are inaccessible in ordinary life and an attempt to get out of the biopower influence. It is noted that along with the risks of producing new ways of manipulating a person, reducing the space of privacy, etc., the implementation of digital biopolitical management models helps to increase the efficiency of meeting growing needs, simplifies the process of obtaining various services, which is perceived positively by many.

Keywords: biopolitics, biopower, naked life, body datafication, digital footprint.

Сведения об авторе. Всеволод Олегович Шипулин — кандидат философских наук, доцент по кафедре философии; доцент кафедры философии, культурологии и социологии; Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-8921-3752; Vsevolod.Shipulin@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.02.2023. Принята к публикации 05.03.2023.

Ссылка на эту статью: Шипулин В.О. Биополитические технологии власти в эпоху цифры // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. № 3(48). С. 255-260. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).255-260

For citation: Shipulin V.O. Biopolitical technologies of power in the digital age. Memoirs of NovSU, 2023, no. 3(48), pp. 255-260. DOI: 10.34680/2411-7951.2023.3(48).255-260